

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voprosy filosofii i psikhologii
Has been issued since 1889.
ISSN 2409-3602
Vol. 5, Is. 3, pp. 156-165, 2015

DOI: 10.13187/vfp.2015.5.156
www.ejournal20.com

Articles and Statements

UDC 740

Memory as a Metaphysical Experience

Valery Gubin

Russian state university for the humanities, Russian Federation
Str. Baryshiha 44, 570 Moscow 127310
PhD, professor
E-mail: goubin@list.ru

Abstract

Memory means initially not an ability to learn but the whole of spirit in the sense of a constant inner concentration. There's no memory independent of my specific efforts. We do not remember anything if we understand our memory as a storage, a mechanical set of events, knowledge, opened truths that lie like potatoes in a bag and wait for an event to illuminate them, to cause them to life. Memory has a virtual being and doesn't exist either in the outside world or in the brain. And only through my participation, through the efforts of my imagination it may become relevant. Memory is a set of metaphysical experiences, when our thoughts and our imagination recreate the full meaning of what has happened, make it "pure" and show it "in splendor and truth," as it has not been before. Memory exists only for what has not happened, has not been committed. But had to happen. Otherwise, memory would have been unnecessary.

Keywords: memory, virtual and relevance, brain, forgetfulness, feeling, love, incomprehensible remembrance, stopped a moment, the spirit.

Интерес к проблеме памяти всегда был обусловлен несколькими причинами:

1. Память о прошлом является одним из важнейших моментов нашей собственной идентичности. Знание о том, что мы некогда были, является подтверждением того, что мы есть сейчас. Непрерывность сознания полностью зависит от памяти.

2. Верой в то, что углубляясь в воспоминания, можно восстановить некие давно забытые события и переживания с ними связанные, которые, возможно, определили мою жизнь. Что там прячется в потемках памяти? То есть, воспоминания – это возвращение к истокам. Даже процесс цивилизации часто воспринимается как утрата неких ценностей, благодаря которым жизнь казалась более осмысленной.

Озабоченность памятью существовала всегда, и всегда разрабатывались теории и модели памяти – от Платона, до современных философских, психологических, культурологических изысканий.

Главный вопрос этой озабоченности – кто помнит? Если помню я, то где хранится моя память – в мозгу, в структуре психики, или в культуре? Все ли я помню, или какую-то часть,

может быть самую важную, своей прошлой жизни я мог забыть? Память – самое ценное, что у меня есть. Утрата памяти равносильна смерти.

Если помнит культура, и память воплощена в культурных памятниках, то где хранится культурная память – во всех объектах, сохранившихся до нашего времени, или только в некоторых, – в старых, древних, или признанных произведениями искусства? Где гарантия, что мы в своей истории не утратили то, что было наиболее важным для нас.

Данная статья посвящена только одному аспекту: **как я помню?** Т. е. как помнит человек в своем индивидуальном существовании. Именно человек, а не культура в целом. Правда, отграничить человека от культурной и исторической памяти можно только теоретически, однако такая отграниченность помогает более выпукло понять специфику индивидуальной памяти как истока всех видов и пластов нашей памятности.

Я и есть моя память. Каждый человек – это память о самом себе. Память закладывает фундамент осмысленности моего существования, чем больше я помню, тем больше существую, тем больше я есть, больше имею отношения к бытию. Память – это проявление бытия в нас, не мы управляем своей памятью, а она нами. Мы не вольны вспоминать то или иное впечатление или событие, это память решает за нас, она от нас не зависит. Все, что живет в памяти нельзя изменить, как нельзя изменить прошлое. О настоящем мы можем сказать, что оно «было», а о прошлом, что оно «есть», поскольку оноечно, оно дано на все времена. Оно прекратило действовать, оно бесполезно, но оно *есть* в подлинном смысле этого слова, оно, как считал Ж. Делез, сливается с бытием в себе [1]. Прошлое – это чистая онтология, и воспоминания о нем обладают только онтологическим значением. Они «чистые», потому, что никак не связаны с настоящим, у них нет психологического существования. Мы свободны постольку, поскольку посредством нашей памяти имеем отношение к бытию, а не привязаны наподобие марионеток к капризам и изменчивому характеру нашей психики.

Но трудность в понимании памяти в том, что она виртуальна, т.е. она не существует как вещь, как материальный процесс. Ее, по всей видимости, нет в нашем мозгу, ибо мозг всегда существует в настоящем, следы памяти в виде нервных узлов, нейродинамических контуров, «завязанных», как полагают исследователи мозга, в цепочке молекул рибонуклеиновой кислоты, не являются ни виртуальными, ни бытийственными. Сравнить нервный след и фонтан моих выплескиваемых наружу переживаний, образов, слов, уходящих корнями в бездонные глубины моей внутренней жизни, невозможно. В сравнении с духом, нервные процессы, какое бы огромное количество связей ни было в этом задействовано, всегда будут лишь поверхностным, элементарным условием памяти.

Поль Рикер полагал, что «можно развивать этический и политический дискурс о памяти и заниматься сложной деятельностью в многочисленных гуманитарных науках, даже не упоминая при этом о мозге» [2].

Если компьютерный диск не меняется, и каждый раз выдает одну и ту же информацию, то 98 % молекул нашего мозга полностью обновляются каждые двое суток. А это значит, что через каждые два дня мы должны забывать все, что узнали до этого. Есть ученые, например Р. Шелдрейк, В.В. Налимов которые считают, что память находится не внутри, а вне человека, это некоторое напряжение, подобное силовому полю. Это поле нельзя измерить никаким инструментом [3]. Правда, рассуждения о «поле», наверное, никогда не выйдут за рамки гипотез.

Действительно, памяти нет в том смысле, в каком есть любая существующая вещь. Человек – существо виртуальное, поскольку он никогда не реализуется полностью, поскольку его существование никогда не совпадает с сущностью, поскольку он действует в настоящем, а существует в прошлом. Память виртуальна, и в силу этого что она проявление духа в нас.

Истинной бытийностью, онтологией обладает только дух. Если дух – это некая реальность, то именно здесь, по мнению Бергсона, в явлениях памяти, мы сможем его коснуться экспериментально.

Виртуальность в том, что память свидетельствует изначально вовсе не способность запоминать (М. Хайдеггер). Память – это целое духа в смысле постоянной внутренней собранности. Память как молитва, поминовение (Andacht): неотпускаемое, собранное

пребывание при... а именно не только при прошлом, но и равным образом при настоящим и при том, что может прийти [4].

Существует чистое прошлое, свое рода «прошлое вообще», и воспоминания о нем составляют необходимую часть сознания. Такое прошлое не следует за настоящим, а напротив, оно предполагается им как чистое условие, без которого настоящее не могло бы пройти. «Прошлое вообще» – это не конкретное прошлое какого-либо настоящего, но вечное прошлое как условие любого настоящего. «Прошлое вообще» делает возможным любые прошлые. Другими словами, каждое настоящее возвращается к себе как прошлое. Настоящее не может пройти, если оно уже не является прошлым в то же самое время, когда оно было настоящим. Чтобы вспомнить что-то конкретное, надо быть способным помнить и вспоминать. Эта память существует в нас наподобие вещи в себе: она никогда не выражается адекватно ни в каких воспоминаниях. «Прошлое сосуществует не только с настоящим, каким оно было, но... оно является полным интегральным прошлым, оно – **все** наше прошлое, сосуществующее с каждым настоящим» [5].

Иногда, в особом состоянии духа нам кажется, что еще минута, и мы вспомним самое важное, то, что составляет существо всей его жизни: кто мы такие, откуда пришли, почему страдания составляют большую часть нашей жизни, в чем смысл нашего существования. Разумеется, ничего «самого важного» вспомнить в конкретном образе нельзя, но сама попытка вспомнить это, сама попытка удержаться в «сознании непостижимого воспоминания», создает внутренний строй души, которой доступны свобода и творчество. К. Ясперс пишет о том, что человек как экзистенция живет в сознании непостижимого воспоминания, как будто он ведает о творении, или будто может вспомнить, что он созерцал до бытия мира [6].

А есть память, в каком-то смысле, «вторичная», которую можно выразить актуально, в конкретных воспоминаниях, она зависит от моих усилий и помимо них не существует, существует через усилия моей мысли, моего воображения, моих мечтаний и надежд. Я, как говорилось выше, не распоряжаюсь своими воспоминаниями, но мои усилия превращают их виртуальность в актуальность. Чтобы что-то вспомнить, надо это выдумать, т.е. превратить в мысль, в образ, в ощущение. Только превращенное позволяет вырвать кусок из прошлого вообще, из безличной памяти в яркое переживание. Мои воспоминания искусственно сконструированы, срежиссированы и сконцентрированы во мне [7].

Вспомнить можно только то, что забыто. Все дни и годы неотличимы друг от друга, потому что, по большому счету, в них ничего не случилось. Какой смысл вспоминать, что случилось со мной в таком-то году или в другом, например, в таком-то году я купил машину, в другом развелся, а в третьем порвал новые штаны, перелезая через забор. Это и не забывается (можно ли сказать: я забыл, что в прошлом году как всегда в ноябре выпал первый снег?) и не запоминается.

Память – это совокупность таких переживаний, когда наше сознание воссоздает полный смысл случившегося, делает их яркими, объемными, расцвеченными, живыми, наполняющими нас чистой радостью. Жалость и печаль о днях прошедшей любви превращают те дни в факт искусства, моя страсть, злость, растерянность, смущение и робость, переход от отчаяния к надежде, которыми я был раздавлен и подавлен, превращаются в моей памяти в стройное повествование, превращаются в сюжет, который организует и упорядочивают мою, раздерганную случайными обстоятельствами, жизнь. Воспоминания о любви и непосредственное любовное переживание соотносятся между собой так, как роман или лирическое стихотворение с газетным фельетоном. Действительность любви создается лишь в памяти, как и вообще любая действительность.

В настоящем мы никогда не получаем всего опыта, вообще мало что можно извлечь из настоящего. Говорят, что любовь – всегда в настоящем, воспоминания о любви – это не любовь. Но только в воспоминании, не в простом воспоминании, а в таком, когда поддержанные силой воображения, прежние переживания вновь становятся живыми, объемными, целостными, становятся подлинно настоящими. В настоящем я переживаю только отдельные, отрывистые и часто не связанные друг с другом впечатления, я ведь не знаю, чем это все закончится, я не анализирую себя, я просто живу и впитываю в себя впечатления, радуюсь своей любви или страдаю от нее, радуюсь каждой прожитой минуте. Теперь, вспоминая, я испытываю острое чувство жалости к тем давно ушедшим дням, когда

я был счастлив, моя любовь в прошлом становится для меня сейчас неким целостным событием, изменившим мою жизнь, теперь моя любовь выступает передо мной в чистом виде, освобожденная от тех глупостей и досадных нелепостей, что я совершал. И возможно мое сегодняшнее воспоминание-переживание сильнее той любви в прошлом по влиянию на меня, по тому потрясению, если мне действительно удалось оживить это прошлое. Я всматриваюсь в каждый день того времени, растягиваю воспоминание, смакую его, оно пронизывает меня до самой глубины души и только тогда мне открывает целостный смысл того, что со мною было.

О дни весны, моей вы быстро протекли,
Теките ж медленней в моем воспоминании.

Любовь существует только в прошлом. «Любовь инстинктивно самозащитно отталкивает свое реальное осуществление – чтобы пребыть: уже вечно существовать в тоске, воспоминании, что “счастье было так близко, так возможно”» [8]. Любовь существует как вечная рана в сердце – и в этой взаимной боли и божественном несчастье любящие неизменно и вечно принадлежат друг другу.

Если сравнить то, что мы вспомнили, с тем, что существует в нашем повседневном эмпирическом опыте, то между ними обнаруживается такая же разница, как между различными мирами. Потому что мир, всплывший в нашем воспоминании, поддержан нашим продуктивным воображением, в нем нет никакой случайности, никакой сумятицы страхов и надежд, это метафорический мир и именно поэтому только такой мир реален и истинен.

Все, чем владею, кажется мне лживо,
А что прошло – передо мною живо! (Гете)

И, в этом смысле, не мы помним, а наш дух вспоминает себя через нас. Нам кажется, что мы вспоминаем какие-либо события нашей жизни, но на самом деле мы вспоминаем не сами события или отрезки нашей жизни, а то, каким образом наш дух их переработал, усвоил, оценил. Память не складывает все случаи жизни и ощущения в свою копилку, а метафорически усиливает их. «Смутные воспоминания – метафоры жизни» (Делез) [9].

Согласно М. Прусту, есть утраченное время, а есть время обретенное. В утраченном времени ничего со мной не произошло и не вошло в состав моей памяти. Я не закрепил прошедшие события силой своего искусства [10]. В данном случае об искусстве говорится не только в том смысле, что я попытался происшедшее выразить в стихах или прозе (это тоже важная, но не всем доступная возможность). Но и в том, что я живу опытом искусства: я переживаю смерть, разлуку, одиночество и покинутость всеми, это я их переживаю, а не они со мной случаются. Можно расстаться с человеком, зная, что никогда его больше не увидишь, и постепенно забыть его. А можно из этого сделать трагедию: жизнь так коротка, так мало людей, с которыми существует душевная связь. Расставание подобно грустной мелодии, которая всегда звучит при воспоминании об этом человеке, расставание – подобно смерти, которая коснулась своим крылом, провела невидимую борозду между нами.

Дело не в самих событиях или протекающих годах, а в том духовном настрое, который господствовал в то или иное время. Все, что происходило со мной и не находило отклика в моей душе, как бы и не существовало, или, возникнув, тут же рассеялось и исчезло навсегда, как исчезли многие года моей жизни, поскольку в них не случилось ничего такого, что можно было закрепить опытом искусства. Только через этот опыт – опыт творчества, работу воображения, через построение воздушных замков, через мечту, – воспоминания образуют память.

Чтобы вспомнить нечто важное и значительное, что когда-то удивило или потрясло нас, нужно попасть в соответствующее состояние. «Только дух слышит дух» (А. Шопенгауэр). Нет такого состояния – и нет памяти. В этом смысле и нужно понимать слова М. Хайдеггера о том, память – это целое духа в смысле постоянной внутренней собранности.

Работу памяти можно, на мой взгляд, отчасти объяснить через феномен «дежа-вю» (уже виденное). Мистики считают, что моменты, когда кажется, что ты уже был в этом месте, что уже слышал точно в такой же ситуации те же слова – это результат воспоминания о прошлых жизнях.

3. Фрейд и его последователи объясняли дежа-вю тем, что чувство «уже виденного» возникает у человека в результате спонтанного воскрешения в его памяти подсознательных фантазий. А. Бергсон в «Воспоминании настоящего» писал, что бывают мгновения остановки потока сознания, когда я чем-нибудь удивлен или потрясен, тогда мое воспоминание догоняет восприятие и человек чувствует, что уже видел эту местность, слышал это слово. Это ложное сознание длится несколько мгновений.

Мне представляется, что «дежа вю» – важнейшее условие функционирования сознания. Оно присутствует в каждом акте восприятия. Я вспоминаю, как в детстве я впервые «увидел» мир. Я жил тогда в Прибалтике, в детской санатории, расположенном на берегу Рижского залива. Между корпусами и морем была небольшая полоса леса: огромные корабельные сосны, стоящие на прибрежных дюнах. Меня всегда восхищала их высота и исходящее от них чувство непоколебимой устойчивости, надежности. И вот однажды я смотрел на них, освещенных заходящим солнцем, в свете которого они казались неестественно красными и вдруг подумал, что пройдет миллион лет, как уже прошел не один миллион, а они все также будут стоять стражами вечности. И я словно почувствовал прикосновение этой вечности и решил, что навсегда запомню это ощущение и постараюсь жить так, чтобы когда-нибудь суметь его выразить в словах или музыке. И при каждом дальнейшем удивлении, взволнованности, потрясении я все время вспоминал эти сосны. Память о них, не всегда ясно осознаваемая, была постоянным фоном моей жизни. Они были всегда в моей жизни и составляли основу моей памяти. И всякое новое, глубоко задевавшее меня переживание, я осознавал, как уже однажды бывшее: я уже видел это, я был свидетелем, потому что меня однажды задела вечность, а в вечности все было и все есть.

Почему важным условием нашего духа является постоянное усилие вспомнить что-то из прошлого? Потому что прошлое – это наша Родина, то место, где мы чувствуем себя как дома, где мы свободны, поскольку в прошлом уже нет ничего наносного, ненужного, бессмысленного. «В прошлом мы у себя дома, потому что это и есть наш дом. Прошлое – это то, откуда мы все родом. И лишь очень немногие при случае не хотели бы туда вернуться» [11]. А если это Родина, мы постоянно испытываем чувство ностальгии по ней. Особенно, по детству. Не по реальному детству, в котором было много невзгод, болезней, страхов и неприятностей, а по воображаемому, светящемуся разноцветными красками. Детство подобное раю. Но рай – это всегда потерянный рай. Это воображаемое детство, перемешанное с реальным. И со временем их уже не различить, не оторвать друг от друга.

Вспомянутое гораздо важнее, чем переживаемое в настоящий момент. По-моему главная задача и литературы и философии – вернуть прошлое, оживить его, растопить его застывшие очертания, пережить снова, воскресить. Потому что только прошлое и есть, потому что настоящее еще не есть, оно совершается, оно незакончено Бог знает, что еще может случиться. А прошлое уже не изменится, оно есть и не может быть другим. Нужно не просто вспомнить совокупность фактов из прошлой жизни, а что-то из виртуального сделать реальным. Т.е. погружаясь в прошлое, мы начинаем жить подлинной жизнью. А настоящее – это еще не жизнь, вернее это жизнь не пережитая, не осмысленная. Еще не было времени осмысливать и переживать. Только воскресшее, восстановленное силой воображения является истинным. Иначе оно просто нависает над нами огромной тенью и постоянно увеличивается, закрывая все возможные горизонты. Поэтому память – не только способность помнить. Это еще и способность забывать. Поскольку эмпирически память это совокупность прошлых произвольных смутных воспоминаний, которые предопределяют наше понимание, подсовывая готовые рецепты и схемы из нашей объяснения. Мы должны пытаться настроить себя и жить так, как будто до нас ничего не было. Ведь и действительно, ничего не было, а то, что было – это не мое, мое – только непостижимое воспоминание, в котором нет никаких рецептов и схем. Жить таким образом значит в известных пределах жить «неисторически».

Правда, благодаря способности использовать прошедшее для жизни и бывшее вновь превращать в историю, писал Ф. Ницше, человек делается человеком, но в избытке истории человек снова перестает быть человеком, а без упомянутой оболочки внеисторического он никогда бы не отважился начать человеческое существование. «Так, влюбленный чувствует себя слепым, все чужое кажется ему глухим шумом, лишенным всякого значения; многое он

не может больше ценить и почти совсем не ощущает его: он спрашивает себя, неужели он так долго был рабом чужих слов, чужих мнений. Это самое несправедливое на свете состояние, ограниченное, неблагодарное к прошлому, слепое к опасностям, глухое к предупреждениям, маленький живой водоворот в мертвом море ночи и забвения; и все-таки это состояние, будучи глубоко неисторическим и антиисторическим, является лоном, порождающим всякое великое деяние, и ни один художник никогда не напишет своей картины, ни один полководец не одержит победы, ни один народ не завоюет свободы, если они в подобном внеисторическом состоянии предварительно не жаждали этой цели и не стремились к ней [12].

Человеческое *забывание* совершенно отлично от животного *забвения*. Действительно, не имеет смысла говорить о способности животного забывать, поскольку у животного нет предшествующего побуждения запоминать. Животное живёт в вечном настоящем, не зная ни пресыщения, ни боли, без сознания, и, следовательно, без присущего только человеку порыва забыть, который является актом воли, человек же живёт исторически; он осознает своё непрерывное становление (или нестановление), умирание всего своего настоящего в фиксированном прошлом. Прошлое постоянно стоит перед человеком как образ чего-то сделанного, законченного, завершённого, неизменного. Неподатливость этого прошлого – источник человеческого самообмана и движущая сила его собственного самоистязания. Прошлое – невидимая и темная ноша. Человек завидует зверю, который не несёт такую тяжесть с собой, или ребенку, «которому ещё нет надобности отречься от какого-либо прошлого и который в блаженном неведении играет между гранями прошедшего и будущего» [13].

Задача творческого человека – научиться забывать, не отвергать прошлое и себя, каковым был в прошлом, но забывать его. Без забывания невозможно никакое действие, немислима никакая жизнь; всякая органическая жизнь, считал Ницше, нуждается не только в свете, но и в темноте. «Таким образом, жить почти без воспоминаний, и даже счастливо жить без них, вполне возможно, как показывает пример животного; но совершенно и, безусловно, немислимо *жить* без возможности забвения вообще» [14]. Наука забывать предполагает предшествующую способность помнить, которая свойственна одному только человеку. Забвение очищает человеческую память, превращая ее из склада разных сведений, знаний, приемов, установок в постоянную внутреннюю собранность, принципиальную готовность адекватно реагировать на все, что происходит, случается с человеком.

Все надо воскрешать. Воссоздавать заново. Ничего не длится автоматически, все забывается. Если мы не пытаемся воскресить, восстановить наше прошлое, то мы мертвы. Воскресение – это возвращение живого прошлого. Помнить – значит быть живым. Прошлое придает нам вес, страх перед будущим понятен, но есть еще страх перед прошлым, вдруг оно исчезнет, и мы повиснем в пустоте, сзади ничего нет. Не на что опереться, не на что сослаться. И тогда непонятно – были ли мы на самом деле, или были только недавно, может быть вчера, выдернуты из небытия неведомым роком, и опять будем брошены туда же. Потеря памяти равносильна смерти.

Как ни тяжел последний час –
 Та непонятная для нас
 Истома смертного страданья, –
 Но для души еще страшней
 Следить, как вымирают в ней
 Все лучшие воспоминанья...
 Ф. Тютчев

Я хожу по кладбищу, рассматриваю фотографии на памятниках и думаю о том, что у лежащих здесь людей нет ни будущего, ни прошлого. Так же трагична и в чем-то подобна смерти судьба многих людей, которым нечего вспомнить из прошедшей жизни. Ничего такого особенного не было – ни больших потрясений, но большой любви, ни подвига, а главное – не было такого дела, которое могли совершить только они – и не совершили.

Лучше сказать: может быть, и было, даже наверняка было, но оно настолько прочно забыто, словно его и не было.

Мы не столько заглядываем в будущее, сколько постоянно возвращаемся к прошлому для того, чтобы оживить настоящее, чтобы заново воссоздавать свою жизнь, ибо только воссозданная, она имеет смысл и ценность, является живой жизнью. Отсюда вытекает еще одна особенность памяти: мы вспоминаем не только то, что случилось с нами, но и то, что не произошло, не совершилось. А должно было совершиться. И возможно это совершившееся могло изменить мою жизнь. Иначе память была бы излишней. Всякое воспоминание, каким бы приятным и, может быть, радостным оно ни было, сопровождается грустью или даже скорбью о том, что все прошло, что уже ничего ни усилить, ни исправить, что получилось не так, как хотелось бы, и в этом смысле, по большому счету, вообще ничего не получилось в этой жизни. Потому что хотел быть живым, не приспособливаться к жизни, а ее приспособить к себе, а это никому не удается. Грусть постепенно складывается в мелодию, сопровождающую всю мою жизнь [15].

Когда я прохожу по Тверской-Ямской мимо Леонтьевского переулка, я иногда слышу музыку. И когда слышу то меня охватывает трепет одного и того же воспоминания. На углу этих улиц в начале 60-х годов возникло кафе «Молодежное», где знаменитые музыканты играли джаз. (Помните: «козел на саксе»). Кафе давно закрыли, сейчас там какая-то забегаловка, а музыка все звучит. Не знаю, может быть, она звучит только во мне? Но слыша ее, я испытываю странное чувство «радостной грусти», даже радостной тоски. Это музыка моей памяти. Я слышу не конкретную мелодию, а музыку настроения двадцатилетнего студента, полного предчувствий любви, горечи неудач и поражений, и уже разочарованного унылым однообразием повседневной жизни. Музыку памяти, без которой невозможно никакое воспоминание и никакая духовная жизнь.

Мы часто обращаемся к прошлому, чтобы оправдать нашу сегодняшнюю жизнь. Если жизнь не удалась, то может быть, в прошлом было что-то такое, что в принципе делает осмысленным нашу жизнь. Так, власть, упорно и методично, уже семьдесят лет, вспоминает прошедшую войну, ведь больше ничего не было в нашей истории, начиная с 1917 года, остальное лучше не вспоминать – уничтожение дворян и крестьян, интеллигенции, превращение народа в рабов, нищенское существование миллионов людей. Но зато мы победили. Некоторые «умники», считающие, что отмечать надо не день победы, а день всенародной скорби, являются «врагами» государства. Совсем как фальшивомонетки, подсовывающие нам вместо золота ничего не стоящие бумажки.

Но как бы мы глупо и бездарно не прожили свою жизнь, она все-таки у нас была, и это была наша жизнь. А испытывать чувство нечаянной радости от того, что я все-таки живу, а мог бы и не жить – на это далеко не все способны. Большинство считает, что жизнь – это нечто такое, что нужно отстрадать. Моя жизнь в преклонном возрасте и жизнь в детстве – это одна и та же жизнь, одинаково наполненная страданиями и скукой. Такие люди существуют только в настоящем, здесь и сейчас, и прошлое никак не влияет на это сейчас. Жить, постоянно оглядываясь на прошлое, значит учиться жизни, становится мудрым. Но человек, не замечающий своего существования, живет исключительно в настоящем. Что толку вглядываться в прошлое, ведь там было то же самое. К тому же многие годы так слились в памяти, что их невозможно оторвать друг от друга.

Наши чисто духовные, метафизические усилия восстанавливают прошлое. В конце концов, не важно, что было на самом деле. Важно лишь то, что мы, вспоминая, делаем прошлое живым, и по-прежнему волнуем. Я помню, следовательно, существую.

Для человека все существует только в прошлом, даже вселенная – мы видим звезды такими, какими они были миллионы лет назад. «Жизнь – это память в *принципе*, сознание в *принципе*, свобода в *принципе*. В *принципе* означает виртуально. ... Только в человеке актуальное становится адекватным виртуальному» [16].

Вся жизнь состоит из отдельных мгновений, но бывают мгновения остановленные, продуманные, понятые, ибо в любом моменте моей жизни есть все, все упаковано, свернуто, скрыто в нем. Бывают мгновения, озаряющие светом понимания всю прошедшую и даже будущую жизнь, а бывают мгновения, которые лишь «свистят, как пули у виска», они все одинаковы, отсюда монотонность и скука жизни. Но почему один момент оказывается продуманным, пережитым, понятным, а другой нет? Потому что он не пережит и в этом

смысле не прожит. Пережить – значит включить его в целостный контекст жизни, той действительной, а не кажущейся жизни, которая неким неявным фоном складывается в нас и определяет наше поведение, наши мысли. Пережить – значит остановить мгновение. Наша память и состоит из таких остановленных мгновений. Не остановленное, не пережитое мгновение образует мертвое прошлое, оно гасит настоящее, делает невозможным видение нового. Если в памяти нет остановленных мгновений, а значит, и ничего не было по большому счету.

Если бы человек мог жить всей полнотой своей памяти, всеми страстями, радостями и горестями, которые ему пришлось испытать, перед ним открылись бы такие глубины и бездны человеческого бытия, такое понимание своей жизни и жизни человеческого духа, о котором мы можем только строить смутные предположения. Мы настолько талантливы, настолько обладаем способностями, насколько мы можем вспомнить, не просто вспомнить то, что с нами когда-то случилось, а вспомнить свою жизнь «в блеске, в истине», которой никогда не было в реальности, или, может быть, она была, но не могла быть ни осознана, ни понята.

Примечания:

1. Делез Ж. Бергсонизм // Делез Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М., 2000. С. 135.

2. Рикер П. Память, история, забвение. М., 2004. С. 586, При изучении метафизического аспекта памяти нет ни повода, ни нужды прибегать к нейронаукам, поскольку они не изучают такой важнейший аспект бытия памяти как виртуальность. «Но в материальном следе нет инаковости, нет отсутствия. Все в нем есть позитивность и присутствие» (Там же, С. 590.)

3. Шелдрейк Р. Новая наука о жизни. Рипол Классик, 2005.

4. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М., 2010. С. 162.

5. Делез Ж. Цит. соч., С. 137-138.

6. См.: Ясперс К. Философская вера. С. 427. «А можно ли считать воспоминанием то, – что нельзя восстановить в памяти? Допустим, мы не можем вызвать в памяти события за последние тридцать лет, но ведь они все равно омывают нас со всех сторон; зачем же тогда останавливаться на тридцати годах, почему не продлить минувшую жизнь до того времени, когда нас еще не было на свете? Раз от меня скрыто множество воспоминаний о том, что было до меня, раз я их не вижу, раз я не могу к ним воззвать, то кто мне докажет, что в этой «тьме тем», остающейся для меня загадкой, нет таких воспоминаний, которые находятся далеко за пределами моей жизни в образе человека?» (Пруст М. Сodom и Гоморра. М., 1993. С. 349.)

7. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб.: Владимир Даль. 2004.

8. Гачев Г. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М., 1995. С. 254.

9. «... Как объяснить, что Комбре возникает, но совсем не таким, каким он был в прошедшем ощущении, а в некоем блеске, в «истине», никогда не эквивалентной реальности?» (Делез Ж. Марсель Пруст и знаки. СПб., 1999. С. 84).

10. «Самое большое отличие – это отличие между временем утраченным и временем обретенным... Утраченное – это не только время, которое проходит, деформируя живые существа и разрушая созданное; это также и время, которое теряют... Обретенное время – это, прежде всего, время, обретающее в недрах времени утраченного и одаривающее нас образом вечности; но это также абсолютно подлинное, действительное, вечное время, что утверждается в искусстве» (Делез Ж. Марсель Пруст и знаки. С. 42).

11. Лоуэнталь Д. Цит. соч., С. 34.

12. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Соч., в 2 т. Т. 1. С. 165.

13. Там же. С. 161–162.

14. Там же. С. 162–163. «Забывание также является человеческой силой, присущей только человеку. Зверь не *волен забывать*, он просто довольствуется состоянием временного бессознательного. Человек же, напротив, и забывает, и помнит, и эта дихотомия является уникальной, человеческой; человеческое забывание отличается от животного, поскольку оно требует стереть следы памяти, которые разрешают человеку бесплодно

тратить время, оставаясь в собственном прошлом» (Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002. С. 401.)

15. «Синго помнит, что когда они обменивались чашечками сакэ, упал каштан. Ударившись о тяжелые каменные плиты садовой дорожки, он из-за ее крутизны отлетел далеко в сторону и упал в быструю горную речку. Полет каштана, после того, как он ударился о камень, был так удивительно красив, что Синго чуть не вскрикнул в восторге: «О – о». И тут же посмотрел на окружающих. Никто из них, кажется, не обратил внимания на упавший каштан. На следующее утро Синго спустился к горной речке. У самого берега он увидел каштан. Каштаны падали поблизости все время, и это мог быть совсем не тот, что упал во время брачной церемонии, но Синго подобрал его и решил рассказать о случившемся Ясуко. Но история с каштаном выглядела слишком по-детски. Поверит ли в нее Ясуко или кто-либо другой? Синго выбросил каштан в прибрежную траву. И то, что Синго не рассказал тогда Ясуко о пустяке – упавшем каштане, – навсегда наложило мрачную тень на их супружескую жизнь». (Я. Кавабата. Стон горы.)

16. Делез Ж. Бергсонизм. С. 184.

References:

1. Delez Zh. Bergsonizm // Delez Zh. Kriticheskaya filosofiya Kanta: uchenie o sposobnostyakh. Bergsonizm. Spinoza. M., 2000. S. 135.
2. Riker P. Pamyat', istoriya, zabvenie. M., 2004. S. 586, Pri izuchenii metafizicheskogo aspekta pamyati net ni povo-da, ni nuzhdy pribegat' k neuronaukam, poskol'ku oni ne izuchayut takoi vazhneishii aspekt bytiya pamyati kak virtual'nost'. «No v material'nom slede net inakovosti, net otsutstviya. Vse v nem est' pozitivnost' i prisutstvie» (Tam zhe, S. 590.)
3. Sheldreik R. Novaya nauka o zhizni. Ripol Klassik, 2005.
4. Khaidegger M. Chto zovetsya myshleniem? M., 2010. S. 162.
5. Delez Zh. Tsit. soch., S. 137-138.
6. Sm.: Yaspers K. Filosofskaya vera. S. 427. «A mozjno li schitat' vospominaniem to, – chto nel'zya vosstanovit' v pamyati? Dopustim, my ne mozhem vyzvat' v pamyati sobytiya za poslednie tridtsat' let, no ved' oni vse ravno omyvayut nas so vsekh storon; zachem zhe togda ostanavlivat'sya na tridtsati godakh, pochemu ne prodlit' minuvshuyu zhizn' do togo vremeni, kogda nas eshche ne bylo na svete? Raz ot menya skryto mnozhestvo vospominanii o tom, chto bylo do menya, raz ya ikh ne vizhu, raz ya ne mogu k nim vozzvat', to kto mne dokazhet, chto v etoi «t'me tem», ostayushcheisya dlya menya zagadkoi, net takikh vospominanii, kotorye nakhodyatsya daleko za predelami moei zhizni v obraze cheloveka?» (Prust M. Sodom i Gomorra. M., 1993. S. 349.)
7. Louental' D. Proshloe – chuzhaya strana. SPb.: Vladimir Dal'. 2004.
8. Gachev G. Natsional'nye obrazy mira. Kosmo-Psikho-Logos. M., 1995. S. 254.
9. « ... Kak ob'yasnit', chto Kombre vznikayet, no sovsem ne takim, kakim on byl v proshedshem oshchushchenii, a v nekoem bleske, v «istine», nikogda ne ekvivalentnoi real'nosti?» (Delez Zh. Marsel' Prust i znaki. SPb., 1999. S. 84).
10. «Samoe bol'shoe otlichie – eto otlichie mezhdru vremenem utrachenym i vremenem obretenym... Utrachennoe – eto ne tol'ko vremya, kotoroe prokhorodit, deformiruya zhivye sushchestva i razrushaya sozdannoe; eto takzhe i vremya, kotoroe teryayut... Obretennoe vremya – eto, prezhdе vsego, vremya, obretayushchee v nedrakh vremeni utrachenno i odarivayushchee nas obrazom vechnosti; no eto takzhe absolyutno podlinnoe, deistvitel'noe, vechnoe vremya, chto utverzhaetsya v iskusstve» (Delez Zh. Marsel' Prust i znaki. S. 42).
11. Louental' D. Tsit. soch., S. 34.
12. Nitsche F. O pol'ze i vrede istorii dlya zhizni // Nitsche F. Soch., v 2 t. T. 1. S. 165.
13. Tam zhe. S. 161–162.
14. Tam zhe. S. 162–163. «Zabyvanie takzhe yavlyetsya chelovecheskoi siloi, prisushchei tol'ko cheloveku. Zver' ne volen zabyvat', on prosto dovol'stvet'sya sostoyaniem vremennogo bessoznatel'nogo. Chelovek zhe, naprotiv, i zabyvaet, i pomnit, i eta dikhotomiya yavlyetsya unikal'noi, chelovecheskoi; chelovecheskoe zabyvanie otlichetsya ot zhivotnogo, poskol'ku ono trebuеt steret' sledy pamyati, kotorye razreshayut cheloveku besplodno tratit' vremya, ostavayas' v sobstvennom proshlom» (Uait Kh. Metaistoriya. Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka. Ekaterinburg, 2002. S. 401.)

15. «Singo pomnit, chto kogda oni obmenivalis' chashechkami sake, upal kashtan. Udarivshis' o tyazhelye kamennye plity sadovoi dorozhki, on iz-za ee krutizny otletel daleko v storonu i upal v bystruyu gornuyu rechku. Polet kashtana, posle togo, kak on udarilsya o kamen', byl tak udivitel'no krasiv, chto Singo chut' ne vskriknul v vostorge: «O – o». I tut zhe posmotrel na okruzhayushchikh. Nikto iz nikh, kazhetsya, ne obratil vnimaniya na upavshii kashtan. Na sleduyushchee utro Singo spustilsya k gornoi rechke. U samogo berega on uvidel kashtan. Kashtany padali poblizosti vse vremya, i eto mog byt' sovsem ne tot, chto upal vo vremya brachnoi tseremonii, no Singo podobral ego i reshil rasskazat' o sluchivshemsya Yasuko. No istoriya s kashtanom vyglyadela slishkom po-detski. Poverit li v nee Yasuko ili kto-libo drugoi? Singo vybrosil kashtan v pribrezhnuyu travu. I to, chto Singo ne raskazal togda Yasuko o pustyake – upavshem kashtane, – navsegda nalozhilo mrachnuyu ten' na ikh supruzheskuyu zhizn'». (Ya. Kavabata. Ston gory.)

16. Delez Zh. Bergsonizm. S. 184.

УДК 740

Память как метафизическое переживание

Валерий Дмитриевич Губин

Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация
127310 г. Москва, ул. Барышиха д.44, кв. 570
Доктор философских наук, профессор
E-mail: goubin@list.ru

Аннотация. Память означает изначально вовсе не способность запоминать, память – это целое духа в смысле постоянной внутренней собранности. Никакой памяти, независимой от моих специфических усилий нет. Мы ничего не помним, если понимать память как склад, механическую совокупность событий, знаний, открытых истин, которые лежат, подобно картофелинам в мешке и ждут, когда то или иное событие осветит их, вызовет к жизни. Память обладает виртуальным бытием, ее нет, в этом смысле, ни во внешнем мире, ни в мозге. Память виртуальна и только через мое участие, через усилия моего воображения может стать актуальной. Память – это совокупность переживаний, когда наша мысль, наша фантазия воссоздает полный смысл случившегося, делает их «чистыми», являет его «в блеске и истине», которых на самом деле не было. Память существует и для того, что не произошло, не совершилось. А должно было совершиться. Без этого память была бы излишней.

Ключевые слова: память, виртуальность и актуальность, мозг, забвение, переживание, любовь, непостижимое воспоминание, остановленное мгновение, дух.